

**ОТ БОЛГАР К БОЛГАРИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА БОЛГАР
В РАБОТАХ И.П. ЛИПРАНДИ 1830–1870-Х ГГ.**

**Константин Александрович
Касаткин –**

аспирант, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный
университет.
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург,
Россия, 199034.
kasatkin1825@gmail.com

Аннотация

В статье на основе архивных и опубликованных источников прослеживается эволюция образов болгар и Болгарии в работах Ивана Петровича Липранди 1830–1870-х гг. В работах 30-х гг. XIX в. болгары представлялись автору одним из народов Османской империи и рассматривались в первую очередь как подданные султана и, следовательно, как азиатский народ. Липранди наделял их такими чертами, как дикость, необузданность, суеверность, склонность к пьянству и пр. Термин «Болгария» он рассматривал исключительно в качестве топонима. Однако к началу Крымской войны взгляды на болгар Липранди начали существенно изменяться. Уже в 50-е гг. XIX в. он не только признал их самым близким для русских славянским народом, но и называл Болгарию «классической для нас страной». С этого времени в работах Липранди образ болгар идеализировался, он выделял их на фоне других славянских народов. В последних работах 70-х гг. XIX в. Липранди открыто заявлял об обоснованности притязаний России на Болгарию в силу культурной, этнической и религиозной близости.

Ключевые слова

Болгары, Болгария, И.П. Липранди, южные славяне, Балканский полуостров, Османская империя.

**FROM BULGARIANS TO BULGARIA:
EVOLUTION OF THE IMAGE OF BULGARIANS
IN THE WORKS OF IVAN PETROVICH LIPRANDI (1830–1870S)**

Konstantin A. Kasatkin –

graduate student, Institute of History,
Saint Petersburg State University.
Mendeleevskaia line, 5, Saint Petersburg,
Russia, 199034.
kasatkin1825@gmail.com

Abstract

The article, based on archival and published sources traces the evolution of the image of Bulgarians in the works of Ivan Petrovich Liprandi in the 1830–1870s. The author shows that the methods of description used by Liprandi in the 1830s were dramatically different from those he used in the second half of the nineteenth century. In the works of the 1830s, Bulgarians were presented as one of the peoples of the Ottoman Empire

and considered primarily as subjects of the Sultan, that is as Asiatic people. Liprandi endowed them with such features as savagery, unrestrainedness, superstition, addiction to drinking and so forth. He considered the term «Bulgaria» solely as a toponym. However, by the beginning of the Crimean War, Liprandi's methods of describing the Bulgarians began to change significantly. By the 1850s, he not only recognised them as the Slavic people most kindred for Russians, but also called Bulgaria «a classic country for us». Since then, Liprandi started to idealise Bulgarians and singled them out among other Slavic peoples. In the latest works of the 1870s, Liprandi confessed that Russia had a claim to Bulgaria on the strength of cultural, ethnic and religious affinity.

Keywords

Bulgarians, Bulgaria, Ivan P. Liprandi, South Slavs, the Balkan Peninsula, Ottoman Empire.

Для российских элит XIX век был периодом активного поиска своего места в мире. За период от Отечественной до Крымской войны ее отношение к Европе и представление о своем месте в ней претерпели существенные изменения. Уверенность, что Россия является частью Европы, которая господствовала в российском обществе со времен разгрома Наполеона, была подорвана, когда европейские державы в Крымской войне приняли сторону Османской империи. Подписание унижительного Парижского мирного договора обозначило крушение старых ориентиров и представлений: стало очевидным, что европейцы воспринимают Россию как «варвара у ворот» и готовы пойти против нее даже на союз с исламской Турцией¹.

Оказавшись в изоляции, Россия вновь начала поиск своего места в мире, и постепенно все более значимую роль в этих исканиях начали играть южнославянские народы. Балканы становились «форумом», на котором Россия заявляла о своей идентичности². К середине XIX в. идеи объединения всех славян не были чем-то новым, но до тех пор имели распространение преимущественно среди узкой группы интеллектуалов³. Именно после Крымской войны идеи о «славянском братстве», необходимости освобождения южных славян из-под ига турок, прежде маргинальных и вызывавших осуждение со стороны властей⁴, не только получили широкую поддержку среди разных слоев общества, но и покровительство со стороны императора⁵. Это выразилось в изменении внешней политики России: стремление в

¹ Нойман И. Использование «Другого»: образы Востока и формирование европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. С. 128.

² McArthur S. Being European: Travel Writing and the Balkans, 1804–1877. PhD dissertation. University College London. School of Slavonic and East European Studies, 2010. P. 5–6.

³ Kohn H. Pan-Slavism: its history and ideology. New York, 1960. P. 125–160.

⁴ Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 499–500.

⁵ Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 47–49.

первой половине XIX в. сохранить целостность Османской империи ушло в прошлое⁶, и уже во время Крымской войны предполагалось изгнание турок из Европы и создание независимых православных государств⁷. Чтобы не осложнять отношения с Австрийской империей, основной акцент делался именно на православных подданных Османской империи⁸.

В первой половине XIX в. к Балканам питали живейший интерес правительственные круги⁹. Многие российские военные и гражданские деятели путешествовали по европейским областям Османской империи и оставили после себя большое количество рапортов, отчетов, записок и донесений. Эти работы деятелей «практического», «прагматического» или «служебного»¹⁰ славяноведения стали важным источником, из которого черпали информацию широкие круги читающей публики и даже представители академической науки.

После либерализации печати при Александре II многие служебные материалы были опубликованы, однако далеко не все в первоначальном виде. Порой работы претерпевали значительные — даже концептуальные — изменения. Одна из причин заключается в том, что восприятие славянских народов в российском обществе на протяжении XIX в. значительно варьировалось, а идея о «славянском братстве» кристаллизовалась достаточно медленно¹¹.

Мы можем даже говорить о наличии как минимум двух дискурсов, претендующих на право говорить о Балканском полуострове и его жителях¹². В рамках первого, обозначим его условно как дискурс «славянства», славя-

⁶ Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010. С. 367–368.

⁷ Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны. С. 61–62.

⁸ Aydın M. 19. Yüzyıl Ortalarında Panslavizm ve Rusya // Pamukkale Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi. 2004. 15. S. 109–124.

⁹ См.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005; Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 44–49; Калоева И.А. Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002. С. 62–65.

¹⁰ Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 92; Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820-х — 1840-х годов // Вацуро В.Э. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 558; Белов М.В. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешественников на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / сост. М.В. Белов. СПб.; М.: Нестор-История, 2018. С. 572.

¹¹ См.: Белов М.В. На пути к славянскому братству... С. 517–604.

¹² Касаткин К.А. Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 237–246.

не рассматривались в качестве некоей общности народов. Южные славяне маркировались как «свои» по этническому признаку и им отводилась роль «хранителей славянской классики»¹³. В рамках второго дискурса — дискурса «Османской империи» — авторы не акцентировали этническую, культурную или языковую близость славян и полностью игнорировали идею какой бы то ни было славянской взаимности¹⁴. Вместо этого особенное значение придавалось подданству. Южные славяне в первую очередь определялись как «другие», т.е. подданные султана, а уже после дифференцировались по «географическому» или «этническому» признаку¹⁵.

Дискурс «славянства» утвердился не только в общественной риторике; политические и военные элиты Российской империи, забыв прежние положения Священного союза о нерушимости границ и обязанности подданных повиноваться своему монарху, также взяли на вооружение идеи славянской взаимности¹⁶.

Удобную возможность проследить процесс вытеснения дискурса «Османской империи» и превращение южных славян из «других» в «своих» предоставляют работы Ивана Петровича Липранди 1830–1870-х гг.

И.П. Липранди участвовал в четырех войнах, в Париже руководил русской военной разведкой, служил во 2-й армии, располагавшейся на юге России, а в 40-е гг. XIX в. перешел на службу в МВД. Еще в 1820-е гг. по поручению генерала Сабанеева, генерал-майора Орлова, а позже и князя Воронцова И.П. Липранди, находившийся тогда в чине подполковника, начал собирать информацию об Османской империи на случай новой русско-турецкой войны¹⁷. Однако это занятие стало больше чем просто поручением; даже после войны 1828–1829 гг., Липранди продолжил собирать материалы и книги по истории, географии и культуре Османской империи.

¹³ Так российские авторы сравнивают черногорцев и сербов со спартанцами и богатырями. См.: *Броневский В.Б.* Записки морского офицера, в продолжение кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1836. Ч. I. С. 192; Письма А.И. Тургенева. 15 // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1915. Вып. 4. С. 53.

¹⁴ Например: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию. М., 1810; *Энегольм Е.И.* Записки о городах забалканских, занятых российскими войсками в достопамятную кампанию 1829 года. СПб., 1830. См.: *Касаткин К.А.* Способы описания славянских областей... С. 241.

¹⁵ *Куприянов П.С.* Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // *Этнографическое обозрение.* 2004. № 2. С. 30.

¹⁶ В сентябре 1853 г. И.Ф. Паскевич, который был далек от идей славянской взаимности, написал записку Николаю I, в которой говорилось: «Мы не возмущаем подданных против своего государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи». Цит. по: *Чуркина И.В.* К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны. С. 50).

¹⁷ *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М.: Наука, 1972. С. 202.

Он посвятил изучению Турции долгие 50 лет — последние его статьи по этой теме были опубликованы в 1870-е гг.¹⁸

За это время он написал несколько десятков работ о Турции и Балканах, многие из которых были опубликованы в 60–70-е гг. XIX в. Большинство поздних работ представляют собой не оригинальные сочинения, а концептуально переработанные служебные записки, составленные в первой половине XIX в. Особенно хорошо это заметно на примере работ о болгарях. В 1830-е гг. Липранди называл их дикими «азиатцами»; в ходе Крымской войны он писал о болгарях уже как о *славянском народе*; а 60–70-е гг. XIX в. он уже призывал к их освобождению из-под турецкого ига, которое прежде отрицал. Одновременно менялось и представление о самой «Болгарии». К началу 1870-х гг. «Болгария» из аморфного географического термина превратилась в субъект международной политики — ключ к решению Восточного вопроса.

Был ли Липранди человеком, который задал новый вектор восприятия болгар российским обществом? Едва ли это так. Однако, подспудно он оказал значительное влияние на развитие и распространение нового взгляда на Восточные Балканы и его народы. Уже современники признавали Липранди одним из крупнейших знатоков европейских областей Османской империи. Хотя его ранние работы являлись по большей части служебными записками и имели узкий круг читателей, он много рассказывал о балканских народах своим знакомым, среди которых были А.С. Пушкин, А.Ф. Вельтман, К.А. Охотников, В.П. Горчаков и многие другие¹⁹. При написании «Замечаний на нынешнее состояние Бессарабии» и Ф.Ф. Вигель также прибегал к помощи Ивана Петровича²⁰. В преддверии Крымской войны И.Ф. Паскевич обратился за информацией о балканских народах именно к Липранди, который по поручению генерал-фельдмаршала составил серию секретных записок по этой теме²¹. Его деятельность высоко оценивали В. Богишич²² и В.И. Григорович²³. Широкое распространение работы Липранди о Балканах получили во время обострения Восточного вопроса

¹⁸ К изучению наследия Липранди о Турции и Балканах обращались: *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1888. Вып. 4. С. 16–17; *Богишич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия» // Отчет о тринадцатом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1872. С. 316–324; *Достян И.С.* Русская общественная мысль и балканские народы... С. 201–207; *Ишутин В.В.* 1) Иван Петрович Липранди. С. 85–94; 2) Неопубликованная рукопись И.П. Липранди о Болгарии. 1831 год // *Vulgarian historical review*. 1993. № 2–3. С. 210–218; *Белов М.В.* На пути к славянскому братству. С. 570–587.

¹⁹ *Садиков П.А.* И.П. Липранди в Бессарабии 1820-х годов. С. 275.

²⁰ *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания. М., 1867. Ч. 6. С. 97.

²¹ *Белов М.В.* «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 65.

²² *Богишич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия». С. 316–324.

²³ *Ишутин В.В.* Иван Петрович Липранди. С. 90–91.

в 60–70-е гг. XIX в., когда многие из них были опубликованы Обществом истории и древностей российских.

Тем не менее, тенденция изображать болгар как многострадальный и терпеливый народ, как хранителей «славянской классики» была сформирована раньше. Первым, кто заговорил о величии болгарского народа, был Ю.И. Венелин. В 1820–1840-е схожие идеи о других славянских народах распространяли М.П. Погодин, славянофилы и деятели зарождающегося академического славяноведения²⁴. По всей вероятности, именно они оказали определенное влияние на переосмысление Липранди значения болгар и Болгарии для России и их презентацию.

Важно отметить, что ранние работы Липранди посвящены *европейским областям Османской империи, а не народам* Балканского полуострова. Все труды 1830-х гг., в которых он повествует о славянах и других балканских народах, написаны в рамках дискурса «Османской империи». Поэтому славяне, албанцы, вlahи и молдаване, турки являлись для Липранди «восточными» людьми. Объектом его исследования являлось государство, а не народ, и жители Балканского полуострова, будучи подданными «восточного» монарха, также объявлялись «азиатцами». Балканские народы наделялись ориентальными чертами, этнический фактор отходил на второй план, а все население Балкан могло быть описано в рамках трех империй: Российской, Австрийской, Османской. Не избежали этой участи и болгары.

Первая работа, в которой Липранди подробно остановился на описании болгар, — это фундаментальный энциклопедический словарь «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...», над которым Липранди работал более 15 лет²⁵. В 1836 г. в целом работа была завершена, однако опубликовать ее автору не удалось. Сам Липранди писал, что словарь занимает 8000 страниц и содержит 600 рисунков. К сожалению, окончательную редакцию словаря пока найти не удалось. Возможно, как и многие другие свои работы, Липранди просто продал словарь в период безденежья²⁶. Однако, даже сохранившиеся в архивах материалы позволяют реконструировать эволюцию взглядов Липранди на место балканских народов в мире.

В словаре «Опыт словоистолкователя Оттоманской империи...» болгарам посвящена отдельная, достаточно просторная статья «Бугар»²⁷. Она

²⁴ Калиганов И.И. Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 112–113; Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания. С. 47–48.

²⁵ Письма Липранди И.П., чиновника по особым поручениям министерства внутренних дел Киселеву П.Д. и черновики ответа (1822–1859 гг.) // РГИА. Ф. 958. Оп. 1. Д. 315. Л. 18.

²⁶ Белов М.В. Бессарабия как исследовательская площадка: служебная балканистика 1820-х гг. // Revista de Istorie de Moldovei. С. 93.

²⁷ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи // РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 173. Л. 81–125. Часть этой статьи была опубликована // См.: Картины света. Ч. II. М., 1837. С. 242–248, 346–352, 361–366.

открывается описанием истории древних болгар, которых автор не отличал от современных ему, и пытался доказать их азиатское, «дист-кипчатское» происхождение²⁸. Древних болгар он характеризовал как совершенных варваров: *«Болгары были горды, надменны грубы и хвастливы; в некоторых отношениях честны, без своенравия и злости; но на верность их положиться было нельзя. Они были суеверными и употребляли разные чародейства в битвах и других случаях (что в чистой Булгарии сохранилось и по ныне); жизнь вели суровую, были одарены необыкновенною силою и крепкими мускулами, нечистоплотны и пища их была дурна, но за то были (по выражению древних) крепчайшими на свете пьяницами вина. Во время набегов своих они могли переносить голод, к которому были приобыкшими, и питались часто молоком кобылиц своих»*²⁹.

Липранди писал, что пришедшие с Волги болгары, при хане Тервеле, покорили славян «с отдаленной древности обитавшие Фракию»³⁰, с которыми завоеватели смешались как франки с галлами или руссы с новгородцами. Автор знал, что современные болгары говорили на славянском языке, но при этом собственно славянами их не признавал³¹, воспринимая их прямыми потомками азиатов-кочевников.

Форма словаря позволила Липранди не отвечать на вопрос об этнической принадлежности болгар. В словаре и подданные Османской империи XIX в., и древние болгары-кочевники были объединены в рамках одной статьи, т.е. «бугар» — это не конкретный народ, а только категория населения, относящаяся к Османской империи. Без учета этой особенности словаря может показаться необычной и даже противоречивой другая характеристика болгар, которую Липранди привел несколько ниже: *«Там они говорят чистейшим своим языком»*³², *сохранили воинственный свой дух и мужество (...) они отличаются совершенно от подольных своих соотечественников, как простотою своих нравов, так и чистотою, и другими добродетелями своими»*³³. Таким образом Липранди объединяет в одной статье диких кочевников, пришедших с Волги, и современных ему воинственных жителей Балканских гор.

При дальнейшем чтении мы обнаружим, что термин «бугар» не имеет четкого определения не только в хронологическом, но и в географическом пространстве. Хотя Липранди и писал о том, что болгар *«в нравственном*

²⁸ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 81.

²⁹ Там же. Л. 88 об–89.

³⁰ Там же. Л. 91.

³¹ До Венелина болгар считали тюрками или утрами. См.: Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в болгарском Возрождении / отв. ред. Венедиктов Г.К. М.: Логос, 1998. С. 122.

³² При этом «чистейшим языком» для И.П. Липранди являлся уже славянский!

³³ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 96 об.

и политическом отношении можно разделить на две главные части»³⁴, эти «части» настолько отличаются друг от друга, что мы можем говорить о двух группах, объединенных только общим названием. Как можно было заметить выше, Липранди делил болгар на «нагорных» и «подольных». Наиболее «чистыми», сохранившими в первоначанной чистоте свои нравы, обычаи и язык он считал «нагорных» или «западных» болгар. «Подольные» же болгары живут к северу от Балканского хребта и сильно перемешались с турками, греками, армянами и евреями, «заняли от сих последних трех народов двуличность, корыстолюбие, вероломство и вообще все характеристические черты оных»³⁵. От турок же они переняли склонность к пьянству, разбою и воровству³⁶. «Подольные» болгары потеряли воинственный дух, и превратились в торговцев. Даже язык этих болгар подвергся сильным изменениям, «так что они совершенно отличаются от нагорных болгар»³⁷, — резюмировал автор.

В «Опыте словоистолкователя Оттоманской империи...» полностью отсутствуют какие-либо признаки упадка и запустения болгарских земель. Липранди не описывал «турецкое иго», а лишь взаимоотношения каждой из групп болгар с властями и турками отдельно, стараясь обратить внимание на все положительные и отрицательные стороны их нахождения под властью султана. Разумеется, упоминал он и о турецко-болгарских конфликтах, не видел их причины в национальной неприязни или борьбе за независимость. Все столкновения между двумя группами автор объяснял религиозным фанатизмом *обоих* народов. «Словом, болгары сии привыкли к духу турецкого правительства и любят оно»³⁸.

Стоит обратить особое внимание на упоминание в «Опыте словоистолкователя Оттоманской империи...» о походе Святослава в Болгарию, т.к. в последующем факт завоевания киевским князем Болгарии занимал в сочинениях Липранди значительное место. В словаре же трактовка этого события выглядит следующим образом: «вызванный» императором Никифором Святослав раз за разом громит болгар, захватывает их города, «пленяет царя их» и «совершенно присваивает себе царство Болгарское»³⁹. Потом началась война Святослава против Византии, не желавшей закрепления киевского князя на Балканском полуострове. Таким образом, Святослав является *внешней*, нейтральной силой, которая вмешалась в борьбу Византии и Болгарии, и только благодаря ему греки впоследствии смогли уничтожить Болгарию.

³⁴ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 96 об.

³⁵ Там же. Л. 100.

³⁶ Там же. Л. 113.

³⁷ Там же. Л. 100.

³⁸ Там же. Л. 113 об.

³⁹ Там же. Л. 93.

Говоря в 1830-е годы о современной ему «Болгарии», Липранди был крайне категоричен: *«Собственно Болгарии ныне не существует»*⁴⁰. Подобное отношение автора неудивительно: словарь создавался в рамках дискурса «Османской империи», в которой области «Болгария» просто *не существовало*. Она являлась скорее изобретением европейских картографов, работы которых Липранди использовал⁴¹. Он пытался показать, что границы области на картах обозначены неправильно — они не соответствуют ни этническому расселению болгар, ни границам древнего болгарского государства. Болгария действительно изображена в границах, намного более скромных, чем держава Симеона. *«Что же касается до древних ее границ: во время существования Болгарии, то они были несравненно пространнее»*⁴², — писал он. Современная Липранди «Болгария», ограниченная рамками Дунай — Черное море — Балканский хребет — р. Тимок, также не соответствовала реальному расселению болгар. Побережье Черного моря было занято некрасовцами, запорожцами, татарами, турками и другими народами, в то время как к югу от Балканских гор болгар проживало несравненно больше, чем в указанной на картах «Болгарии»⁴³. Липранди доказывал, что не только расселение современных ему болгар не соответствовало указанной на картах «Булгарии», но и от самого государства осталось только древнее название, которое никак не соотносится с современным порядком вещей. *«Конечно, Дунай отделяет воображаемую Болгарию сию, от Бессарабии, Молдавии и Валахии. Река Тимок некоторым образом от Сербии; но ни Черное море, а еще менее хребет Балканов, не может служить границею болгарам»*⁴⁴.

В начале 1854 г. по поручению генерал-фельдмаршала князя И.Ф. Паскевича Липранди составил серию очерков, посвященных Османской империи⁴⁵; 8-й раздел этих записок содержит описания различных регионов Балканского полуострова, а одна из глав начинается словами: *«Спросят: где Болгария?»*⁴⁶. Уже сама постановка вопроса, таким образом, утверждает факт существования «Болгарии». Единственное, в чем сомневался автор — в определении ее географических границ. Вновь обращаясь к европейским

⁴⁰ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 95.

⁴¹ Сейчас эти карты Липранди хранятся в Библиотеке Академии наук Санкт-Петербурга. См.: Красникова О.А. Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской Академии наук в XVIII — начале XX в. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XX в. Исторические очерки / ред.-сост.: Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батурич. СПб.: Росток, 2016. С. 147–148.

⁴² Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 96.

⁴³ Там же. Л. 95 об–96.

⁴⁴ Там же. Л. 95.

⁴⁵ Белов М.В. «Служебное» славяноведение. С. 65.

⁴⁶ Липранди И.П. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния Болгарии // РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.

картам, он утверждал, что их составители не знают настоящей «Болгарии», как не знают ее и турки. Иван Петрович выделил две «Болгарии»; описываемый в 1830-е гг. регион Дунай — Черное море — Балканский хребет — р. Тимок был обозначен им теперь как «географическая» Болгария (ее границы совпадали с указанными на европейских картах). Что касается «настоящей Болгарии», то она определялась как «этнографическая» фактически в рамках Болгарии по Сан-Стефанскому договору 1878 г.⁴⁷ Липранди утверждал, что «этнографическая» Болгария — это территория, которую «болгары населяли во времена грозной самостоятельности царства своего и в которой находятся до сих пор»⁴⁸. Таким образом, Липранди концептуализировал понятие «Болгария»: он не только пытался доказать существование современной ему Болгарии, но обосновал ее границы при помощи ссылок на историю и этнический состав населения. Этим описание региона, приводимое в 1854 г., принципиально отличается от того, которое автор давал двадцатью годами ранее.

В записке «Болгария» 1854 г. Липранди представил новый образ болгар, кардинально отличающийся от прежних «бугар». Если ранее автор характеризовал древних болгар (он не проводил различие между болгарами и булгарами) как дикарей, склонных к пьянству, то затем он писал уже следующее: «Каковыми были эти горные болгары во времена грозной самостоятельности своей, таковыми они являются и теперь: взгляд их горд и приветлив, рост высок и хорошо сложенный, наружность мужественная (...) вообще постоянны; предпочитают всему семейное спокойствие; неослабно занимаются своими делами и работают без видимого истощения сил от трудов и забот; гостеприимны, просты и откровенны с теми, к которым питают доверенность»⁴⁹. Липранди теперь просто отсекает «азиатское» прошлое болгар: история Болгарии начинается не с переселения народов «дист-кипчакского» происхождения, а непосредственно с создания Болгарского царства.

Произошло нечто большее, чем просто разграничение древних «бугар» и современных болгар, произошло изменение дискурса, в рамках которого велось описание народа. Теперь Липранди поместил болгар в рамки «славянства», и прежние дефиниции показались ему неуместными. Из азиатского народа болгары превратились в славян, автор представил их высоко развитым народом, государство которых во многом превосходило как европейские державы, так и Древнюю Русь. Иван Петрович ни строчки не написал о происхождении болгар, везде заменил титул «хан» на «царь»,

⁴⁷ Липранди И.П. Краткий очерк этнографического, политического, нравственного и военного состояния Болгарии. Л. 20–26. См.: Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 119.

⁴⁸ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 20 об–21.

⁴⁹ Там же. Л. 29–29 об.

не упоминал о древнем болгарском языке, из-за чего у читателя создается впечатление, что болгары всегда говорили на славянском языке. Кроме того, Липранди представил их как хранителей славянской старины, он даже называл Болгарию «классической для нас страной»⁵⁰, что разительно контрастирует с описанием варварского государства, приведенным в словаре двадцатью годами ранее.

Благодаря переосмыслению места болгар, Липранди по-другому определил роль Святослава в болгарской истории. Славянский князь из разрушителя древнего Болгарского царства превратился в человека, объединившего народы против общего врага. В 1854 г. Липранди писал: «Бросаются на глаза следующие выводы: Святослав является как союзник греков против болгар. Встретив в них своих родичей по племени и языку, он является их союзником, возвращает престол Роману и спомоществуемый болгарами идет на Византию»⁵¹. Возможно, что в этом вопросе на Липранди оказал влияние его друг Вельтман, который впервые в русской литературе предложил подобную трактовку роли Святослава⁵².

Следовательно, Болгария не была уничтожена в X в., как автор писал прежде. Ослабленная походом киевского князя, Болгария «пала под иго греков, которое, однако же, неоднократно она потрясала»⁵³. Позже Болгария была завоевана турками, но не прекращала своего существования все это время в составе Османской империи. Современные болгары — прямые наследники не только культурных достижений, но и земель Древней Болгарии.

Еще один важный момент, получивший развитие в записке 1854 г., — вопрос о «пробуждении народности в болгарях», необходимой для общенациональной борьбы. В его рассуждениях на эту тему условно можно выделить два основных направления: создание независимой Болгарской церкви и распространение образования. Липранди совершенно справедливо рассматривал церковь как один из главных рычагов воздействия на болгар, т.к. они не отделяли религиозную власть от гражданской⁵⁴. Считая фанариотов непримиримыми врагами славянства⁵⁵, он видел первоочередную задачу в создании независимой Болгарской церкви, которая стала бы краеугольным камнем болгарского национального самосознания. После этого необходимо было заняться построением системы светского образования. Липранди прекрасно понимал, что именно школы «сблизят болгар всех концов или занимаемого пространства и конечно, со временем уравниют идеи о народности и самостоятельности, с житейскими выгодами в настоящем»⁵⁶.

⁵⁰ РГИА. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 9.

⁵¹ Там же. Л. 8.

⁵² Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы. С. 580.

⁵³ Липранди И.П. Краткий очерк. Л. 8 об.

⁵⁴ Там же. Л. 53.

⁵⁵ Там же. Л. 50–53 об.

⁵⁶ Там же. Л. 54.

Уже в записке 1854 г. обозначилось несколько идей, которые Липранди развивал в дальнейшем. Во-первых, болгары самый многочисленный южнославянский народ⁵⁷, и Россия должна искать опору на Балканском полуострове именно в них. Во-вторых, болгары идеологически разобщены; России необходимо проводить политику, говоря по-современному, «мягкой силы», если она хочет привлечь болгар на свою сторону. В-третьих, русские и болгары являются самими близкими друг другу народами: их объединяет общая история, близкая культура и родственность языков.

Однако автор не подразумевал необходимости разрушения Османской империи и создания независимого Болгарского государства. В условиях начавшейся Крымской войны он писал только о том, на какую помощь на Балканах со стороны местных жителей может рассчитывать Россия. Вопрос о создании независимого Болгарского государства еще не стоял на повестке дня. Открыто об этом Липранди заявил в статье «Восточный вопрос и Болгария»⁵⁸, опубликованной в 1867 г. В заголовке он использовал сочинительный союз «и», что словно бы уравнивает значимость Восточного вопроса и политики по отношению к Болгарии. Действительно, в этой работе Липранди целенаправленно доказывает, что Россия не сможет решить Восточный вопрос в свою пользу, если не сумеет привлечь болгар на свою сторону.

Автор поочередно рассмотрел несколько вариантов устройства Болгарии: полная независимость, объединение с другими славянскими государствами во «Всеславию»⁵⁹, вхождение в Балканскую федерацию и присоединение к России. Что касается абсолютной независимости, то Липранди категорически не принимал идеи существования суверенных национальных государств на Балканах. По его мнению, они слишком малы, слабы и легко станут жертвами более крупных держав, к тому же из-за своей слабости небольшие национальные государства подвержены постоянным волнениям и смутам. Ярким примером тому служили Греция и Сербия, которые пытались провести модернизацию, но потерпели фиаско и скатились в анархию⁶⁰.

Двойственное отношение было у Липранди к построению единого общеславянского государства. С одной стороны, он поддерживал идею создания «Всеславии», хотя и вынужден был с грустью признать, что объединение славянства конечно вероятнее, чем конец света, назначенный каким-то

⁵⁷ Если в «Опыте словоистолкователя Оттоманской империи...» 1836 г. Липранди утверждал, что болгар насчитывается едва 700 тыс. семей, то в 1850-е гг. их число увеличилось до 5 млн, что сделало болгар самым многочисленным народом Балканского полуострова.

⁵⁸ Липранди И.П. Восточный вопрос и Болгария // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1868. К. 1.

⁵⁹ Там же. С. 106–107.

⁶⁰ Там же. С. 86, 129.

прорицателем на 1867 г., но все же недостижимо⁶¹. Поэтому увлеченность этой нереализуемой идеей «скупивания народов» (так Липранди называл все пандвижения) казалась ему особенно абсурдной и опасной.

Такой же химерой были для Ивана Петровича и все планы по созданию балканского федеративного союза. Он был убежден, что сами южнославянские области хотят жить *«отдельно одна от другой, с главами из среды своей избранными, словом союзного устройства, с своим Вашингтоном в Константинополе или другом месте»*⁶². Тем не менее, Липранди констатировал, что и подобное устройство едва ли возможно: слишком сильна ненависть между балканскими народами.

Вопрос об устройстве Балкан после падения Османской империи в Европе так и остался нерешенным.

В 1877 г., незадолго до начала русско-турецкой войны, секретная записка «Болгария» 1854 г. практически без изменений была опубликована в журнале Московского общества истории и древностей российских⁶³. Изданная незадолго до возникновения независимого Болгарского княжества, статья сделала достоянием широкой общественности те идеи, которые Липранди в 1850-е гг. мог сообщить И.Ф. Паскевичу лишь секретно. Хотя некоторые сведения, актуальные тогда, к началу последней русско-турецкой войны откровенно устарели, удивительно своевременно звучали его идеи о русско-болгарском родстве, и секретная записка практически не подверглась редакции.

Кроме некоторых стилистических поправок, появилось только одно пространное примечание, сделанное даже не самим Липранди, а подписанное инициалами «О.Б.», в котором прямо говорится, что болгары, занимающие территорию большей части Балканского полуострова, находятся в сфере жизненно важных интересов России. Автор одной фразой сказал то, что Липранди до тех пор не решался выразить открыто: *«Мы не можем поступиться ни для кого в свете, разве с прекращением самого бытия России проливами и Константинополем»*. Затем автор продолжил: *«Впрочем, чей полуостров, того и Царьград; так всегда было и так, рано ли, поздно ли, непременно будет»*⁶⁴. Липранди, по всей видимости, хотя и не артикулировал открыто, но разделял подобные воззрения.

Сам Иван Петрович тоже внес в статью краткое дополнение, которое, возможно, даже более значимо для понимания произошедшего за 20 лет сдвига в представлении о болгарях и Болгарии. Он, видимо предчувствуя неминуемую борьбу России с европейскими странами за Болгарию, закон-

⁶¹ Липранди И.П. Восточный вопрос и Болгария. С. 106–109.

⁶² Там же. С. 127.

⁶³ Липранди И.П. Болгария // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских. М., 1877. К. 1.

⁶⁴ Там же. С. 57.

чил записку 1854 г. неопределенно и даже несколько тревожно: «Примутся ли семена этой Западной почвы, засеваемые в Болгарии, и какие они дадут плоды, не известно»⁶⁵, однако в статью 1877 г. добавил: «Впрочем, заря будущего лучшего для этого многострадального славянского племени, которому мы, русские, так безмерно обязаны, заря будущего лучшего уже возшла и, даст Бог, самостоятельность и самоуправление, а с ним и самобытность, несомненно появятся для него и упрочат дальнейшее его существование. Да будет!»⁶⁶.

Секретная записка 1854 г. превратилась в манифест, провозглашающий право России на Болгарию в силу культурной и языковой близости, общего происхождения, а самое главное — на основании исторического опыта нахождения Болгарии под властью русских князей — уже не только Святослава, но и Ростислава Михайловича⁶⁷. Повествование Липранди о болгарях не только окончательно переместилось в рамки дискурса «славянства», но теперь он четко сформулировал идею «славянского братства».

Таким образом, если в 1830-е годы работы Липранди писались в рамках дискурса «Османской империи», то к 70-м гг. XIX в., вместе с упадком Порты дискурс единой «Османской империи» уже стал неактуален. Из-за широкого распространения к началу Крымской войны панславистских идей, дискурс «славянства» постепенно вытеснял представления об Османской империи как гомогенном образовании, параллельно формируя идею об угнетенных «братьях славянах», требующих особого покровительства со стороны Российской империи, что предоставляло основу для привлечения славянских народов, в том числе болгар, на свою сторону. Именно поэтому, дикие азиаты-кочевники «бугары», уживающиеся бок о бок с турками, идеально вписывались в дискурс единой «Османской империи», но выглядели неуместно уже в середине XIX в. Дискурс «славянства», также претендующий на описание Балканского полуострова, но подпитываемый идеями панславизма, к 1870-м гг. полностью завоевал государственную и публичную сферу. Благодаря этому болгары превратились в «хранителей славянской старины», многострадальный славянский народ, который заслуживает самого пристального внимания со стороны России.

Литература

1. Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.
2. Белов М.В. Бессарабия как исследовательская площадка: служебная балканистика 1820-х гг. // Revista de Istorie de Moldovei. 2012. № 2 (90). С. 85–96.
3. Белов М.В. На пути к славянскому братству... Претворение опыта русских путешествий на Балканы первой половины XIX века // Открытие «братьев-

⁶⁵ Липранди И.П. Опыт словоистолкователя Оттоманской империи. Л. 59 об.

⁶⁶ Он же. Болгария... С. 60.

⁶⁷ Там же. С. 59.

- славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века. СПб.; М.: Нестор-История, 2018. С. 517–588.
4. Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов // Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 556–596.
 5. Виноградов В.Н. Двуглавый российский орел на Балканах. 1683–1914. М.: Индрик, 2010.
 6. Гришина Р.П. Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М.: Институт славяноведения РАН, 2008.
 7. Достян И.С. Россия и балканский вопрос: Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX века. М.: Наука, 1972.
 8. Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Из истории русской культуры. Т. 5. XIX. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 491–503.
 9. Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди (1790–1880) // Советское славяноведение. 1989. № 2. С. 85–94.
 10. Ишутин В.В. Неопубликованная рукопись И.П. Липранди о Болгарии. 1831 год // Bulgarian historical review. 1993. № 2–3. С. 210–218.
 11. Калиганов И.И. Болгары глазами русских в XIX столетии (национальный характер и взаимовосприятие) // Славянский мир в глазах России. Динамика восприятия и отражения в художественном творчестве, документальной и научной литературе. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 107–137.
 12. Калоева И.А. Изучение южных славян в России в XVIII — первой половине XIX в. М.: ИНИОН РАН, 2002.
 13. Касаткин К.А. Способы описания славянских областей Османской империи российскими путешественниками в первой трети XIX в. // Славянский альманах. 2017. Вып. 1–2. С. 237–246.
 14. Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в публикациях и документах первой половины XIX в. М.: [б.и.], 1997.
 15. Красникова О.А. Материалы к истории формирования картографического собрания Библиотеки Российской академии наук в XVIII — начале XX в. // Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII — первой половине XX в. Исторические очерки / ред.-сост.: Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.: Росток, 2016. С. 116–178.
 16. Куприянов П.С. Представления о народах у российских путешественников начала XIX в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 21–37.
 17. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX в. М.: Индрик, 2005.
 18. Никулина М.В. Путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию и его место в начальной истории болгаристики в России // Ю.И. Венелин в болгарском Возрождении / отв. ред. Венедиктов Г.К. М.: Логос, 1998. С. 122–147.
 19. Нойман И. Использование «Другого»: Образы Востока и формирование европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004.
 20. Сапожников И. Османские крепости Добруджи: описания и обзор источников 1820-х годов // Scriptorium nostrum. 2017. № 1 (7). С. 291–341.
 21. Чуркина И.В. К вопросу об организации восстания славян во время Крымской войны 1853–1856 гг. // Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Пи-

сарева. Сб. статей / отв. редактор С.И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 46–64.

22. Kara G., Toprak S. 19 Yüzyık Balkan Siyaseti Gölgesinde Rusyanın Yalnızlaşma // İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi. 2016. V. 4. S. 677–689.
23. Kohn H. Pan-Slavism: its history and ideology. New York: Vintage Book, 1960.
24. McArthur S. Being European: Travel Writing and the Balkans, 1804–1877. PhD dissertation. University College London. School of Slavonic and East European Studies. 2010.

References

1. Belov, M.V., 2012. “Sluzhebnoe” slavianovedenie v Rossii pervoi poloviny XIX veka. *Slavianovedenie*, N 4, pp. 53–68.
2. Belov, M.V., 2012. Bessarabiia kak issledovatel'skaia ploshchadka: sluzhebnaia balkanistika 1820-kh gg [Bessarabia as a Research Ground: Service Balkanistics of the 1820s]. *Revista de Istorie de Moldovei*, N 2 (90), pp. 85–96.
3. Belov, M.V., 2018. Na puti k slavianskomu bratstvu... Pretvorenje opyta russkikh puteshestvii na Balkany pervoi poloviny XIX veka [On the way to the Slavic brotherhood... Making the experience of Russian travel to the Balkans of the first half of the XIX century]. In: Belov, M.V., 2018. *Otkrytie “brat'ev-slavian”*: russkie puteshestvenniki na Balkanakh v pervoi polovine XIX veka. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, pp. 517–588.
4. Churkina, I.V., 2017. K voprosu ob organizatsii vosstaniia slavian vo vremia Krymskoi voiny 1853–1856 gg. [On the organization of the Slavic uprising in the Balkans during the Crimean War of 1853–1856]. In: Danchenko, S.I., ed. 2017. *Slaviane i Rossiia: problemy voiny i mira na Balkanakh. XVIII–XXI vv.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 47–64.
5. Dostian, I.S., 1972. *Rossiia i balkanskii vopros: Iz istorii russko-balkanskikh politicheskikh svyazei v pervoi treti XIX veka* [Russia and the Balkan Question: From the history of Russian-Balkan political ties in the first third of the XIX century]. Moscow: Nauka.
6. Egorov, B.F., 1996. O natsionalizme i panslavizme slavianofilov [On the nationalism and panslavism of the Slavophiles]. In: *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of the Russian Culture]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury.
7. Grishina, R.P., 2008. *Liki modernizatsii v Bolgarii v kontse XIX — nachale XX vekov (beg trustsou po peresechenoi mestnosti)* [Faces of modernization in Bulgaria in the late XIX — early XX centuries (jogging over rough terrain)]. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
8. Ishutin, V.V., 1989. Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880) [Ivan Petrovich Liprandi (1790–1880)]. *Sovetskoe slavianovedenie*, 2, pp. 85–94.
9. Ishutin, V.V., 1993. Neopublikovannaia rukopis' I.P. Liprandi o Bolgarii. 1831 god [Unpublished manuscript by I.P. Liprandi on Bulgaria]. In: *Bulgarian historical review*, 2–3, pp. 210–218.
10. Kaliganov, I.I., 2011. Bolgary glazami russkikh v XIX stoletii (natsional'nyi kharakter i vzaimospriiatie) [Bulgarians through the eyes of Russians in the 19th century (national character and mutual perception)]. In: *Slavianskii mir v glazakh Rossii. Dinamika vospriiatiia i otrazheniia v khudozhestvennom*

tvorchestve, dokumental'noi i nauchnoi literature. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, pp. 107–137.

11. Kaloeva, I.A., 2002. *Izuchenie iuzhnykh slavian v Rossii v XVIII — pervoi polovine XIX v.* [Studies of the South Slavs in Russia in the 18th — first half of the 19th century]. Moscow: INION RAN.
12. Kara G., Toprak S., 2016. 19 Yüzyık Balkan Siyaseti Gölgesinde Rusyanın Yalnızlaşma. *İnsan ve Toplum Bilimleri Araştırmaları Dergisi*, 4. pp. 677-689.
13. Kasatkin K.A., 2017. Sposoby opisaniia slavianskikh oblastei Osmanskoı imperii rossiiskimi puteshestvennikami v pervoi treti XIX v. [Ways of describing the Slavic regions of the Ottoman Empire by Russian travelers in the first third of the 19th century.]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 237–246.
14. Kerimova, M.M., 1997. *Iugoslavijskie narody i Rossiia. Etnograficheskie siuzhety v publikatsiakh i dokumentakh pervoi poloviny v XIX v.* [Yugoslav peoples and Russia. Ethnographic subjects in publications and documents of the first half of the 19th century]. Moscow: [s.n.].
15. Kohn, H., 1960. *Pan-Slavism: its history and ideology*. New York: Vintage Book.
16. Krasnikova, O.A., 2016. Materialy k istorii formirovaniia kartograficheskogo sobraniia Biblioteki Rossiiskoi Akademii nauk v XVIII–nachale XX v. [Materials on the history of the formation of the cartographic collection of the Library of the Russian Academy of Sciences in the 18-early 20 centuries.]. In: Smagina, G.I., Baturin, Yu.M., eds. 2016. *Akademiia nauk v kontekste istoriko-nauchnykh issledovanii v XVIII–pervoi polovine XX v. Istoricheskie ocherki*. Saint Petersburg: Rostok, pp. 116–178.
17. Kupriianov, P.S., 2004. Predstavleniia o narodakh u rossiiskikh puteshestvennikov nachala XIX v [Representations of the peoples of Russian travelers began in the 19th century]. *Ėtnograficheskoe obozrenie*, 2, pp. 21–37.
18. Lapteva, L.P., 2005. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX v.* [History of Slavic Studies in Russia in the XIX century]. Moscow: Indrik.
19. McArthur, S., 2010. *Being European: Travel Writing and the Balkans, 1804–1877*. PhD dissertation. University College London. School of Slavonic and East European Studies.
20. Neumann, I., 2004. *Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka i formirovanie evropeiskoi identichnosti* [Uses of the Other. The ‘East’ in European Identity Formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
21. Nikulina, M.V., 1998. Puteshestvie Yu.I. Venelina v Bolgarii i ego mesto v nachal'noi istorii bolgaristiki v Rossii [Yu. I. Venelin's journey to Bulgaria and its place in the initial history of Bulgarian studies in Russia]. In. *Yu.I. Venelin v bolgarskom Vozrozhdenii*. Moscow: Logos, pp. 122–147.
22. Sapozhnikov, I., 2017. Osmanskije kreposti Dobrudzhi: opisaniia i obzor istochnikov 1820-kh godov [Ottoman fortresses of Dobrudja: descriptions and review of sources from the 1820s]. *Scriptorium nostrum*, 1 (7). pp. 291–341.
23. Vatsuro, V.E., 2004. Bolgarskie teme i motivy v russkoi literature 1820–1840-kh godov [Bulgarian themes and motifs in Russian literature of the 1820–1840s]. In: *Izbrannye trudy*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.
24. Vinogradov, V.N., 2010. *Dvuglavyi rossiiskii orel na Balkanakh. 1683–1914* [Double-headed Russian eagle in the Balkans, 1683–1914]. Moscow: Indrik.